

Н. ЧЕРНЫШОВА

Советская потребительская культура в брежневскую эру¹

<Фрагмент>

В 2012 году российский журналист Валерий Панюшкин опубликовал книгу «Восстание потребителей»². Он рассказывает историю группы молодых экономистов, юристов и других энтузиастов, которые, вдохновленные перестройкой и обостряющимися экономическими проблемами в горбачевском Советском Союзе, взялись за защиту прав потребителей. Результатом стала Конфедерация потребительских обществ (КОП), которая пережила Советский Союз и перенесла свои судебные баталии, проверки тайных покупателей и кампании в СМИ в постсоветские 1990-е годы. Ее главная задача заключалась в том, чтобы российский потребитель знал и требовал свои права, а государство, суды и формирующийся частный рынок учились эти права соблюдать. Эта история важна, считает Панюшкин, потому что события конца 1980-х — начала 1990-х годов представляет в ином свете: перемены, сместившие советский колосс с лица земли, были частью потребительской, а не демократической революции. Первая крупная победа была одержана весной 1991 года, когда советский парламент принял новый закон о защите прав потребителей, подготовленный с помощью вышеупомянутых энтузиастов. К концу 1990-х, во многом благодаря их усилиям, в России был функционирующий потребительский рынок, и сейчас современные россияне являются грамотными и уверенными потребителями практически всего, кроме самого государства; здесь, как предполагает книга, им еще предстоит многому научиться*.

Панюшкин сосредотачивается на горстке людей в КОП, но из его рассказов о судебных баталиях начала 1990-х годов

* V. Paniushkin, *Vosstanie potrebitelei*, Moscow: Astrel, 2012.

следует, что ведущую роль играли обычные потребители. Одно дело принять новый закон, и совсем другое, согласно книге, изменить юридическую практику. Ни одна группа юристов и экономистов не смогла бы добиться таких изменений без обиженных покупателей, которые приходили в офис КОП с жалобами на нарушения и просили его юристов подать иски и представлять их интересы в суде. Как люди так быстро воспользовались этими новыми возможностями? Панюшкин указывает на более открытый медиа-климат конца 1980-х и широко освещаемые успехи КОП в 1990-х.

Однако в настоящей книге сделана попытка показать, что корни самоутверждения российских потребителей уходят далеко за пределы 1990-х годов или даже горбачевской гласности: их можно проследить вплоть до брежневских десятилетий. Тогда началась потребительская революция иного рода, и хотя Советского государства она не разрушила, социальные изменения, происходившие в течение долгих 1970-х годов, подготовили людей к грядущим преобразованиям. В течение десятилетий до брежневских лет режим говорил советским потребителям, что они должны ожидать и действительно требовать качественных товаров, красивой одежды, комфортабельных домов и, в конечном счете, даже автомобилей и цветных телевизоров, но при «развитом социализме» у многих появилась реальная возможность впервые стать потребителями этих вещей. Доходы увеличились настолько, что они могли позволить себе такие предметы. Дефицит сохранялся, но экономика 1970-х была качественно иной экономикой дефицита по сравнению с более ранними временами, и те времена были еще в памяти многих советских людей. Теперь скромное, но отдельное жилье стало нормой, и подавляющему большинству городского населения не приходилось делить кухню и ванную комнату с незнакомцами. Эти дома могли быть обставлены мягкими мебельными гарнитурами и другими комплектами в тон, возможно, даже импортными. Джинсы, импортная обувь и предметы роскоши, такие как французские духи, фарфор, изделия из хрусталя или пушистые ковры, стоили дорого и их было трудно достать, но, тем не менее, они становились стандартными атрибутами советского интерьера и гардероба. Выбор товаров в магазинах был ограничен, но потребителю достаточно было научиться быть избирательным и начать обращать внимание на марку, дизайн и репутацию товара. Даже при отсутствии коммерческой рекламы в западном стиле существовало множество различных, даже конкурирующих каналов информирования горожан о качестве, моде, новинках и социальном престиже товаров. Многие советские люди стали

уверенными пользователями современной техники дома, от холодильников до стиральных машин и даже видеоплееров.

Без этих существенных улучшений потребительских возможностей и устремлений кризис дефицита конца 1980-х и начала 1990-х годов не казался бы таким болезненным и неприемлемым. Брежневская эпоха не только научила людей потреблять, но и жаловаться. Ни перестройка, ни первые постсоветские годы не были первым случаем, когда у покупателей появилась возможность добиваться возмещения нанесенного им ущерба. Советские потребители при «зрелом социализме» имели определенные материальные устремления и после многих лет официальных речей и сообщений в прессе также знали, что имеют право на то, чтобы хотя бы некоторые из этих потребностей реализовались. На постсоветском правовом и политическом ландшафте права потребителей — право на информацию, выбор, добросовестность и т. д. — можно было бы более эффективно осуществлять, прибегая к судебным искам, что было недоступно для отдельных граждан Советского Союза (хотя организация могла подать в суд на другую организацию). Но брежневские потребители тоже могли добиваться справедливости или, по крайней мере, причинять неудобства злоумышленникам, написав в газету или обратившись в органы власти любого уровня, от местного Совета или его представителя в Верховном Совете до Совета Министров. Эти стратегии иногда работали, а иногда нет. Но способность постсоветских потребителей быстро научиться пользоваться своими правами в улучшившейся правовой (и ухудшающейся экономической) ситуации конца 1980-х и начала 1990-х годов коренится в этих оборонительных стратегиях долгих 1970-х годов. Советские потребители стали более активно относиться к государству в брежневскую эпоху, и это сослужило им хорошую службу в постсоциалистический период.

Лучшая правовая защита индивидуальных потребителей является одним из атрибутов современного рыночного капитализма. Но для бывших советских граждан это была одна из немногих положительных черт 1990-х годов. Для многих форма капитализма, пришедшая в Россию в первое постсоциалистическое десятилетие, принесла жестокие потрясения и неопределенность. Это было особенно значимо, потому что предыдущие десятилетия были такими стабильными и безопасными. Тем не менее, возможно, стоит подумать о том, как долгие 1970-е подготовили общество к приходу капитализма. <...> Факторы успешной адаптации к исчезновению систем социально-экономической защиты были слишком сложными, чтобы их можно было свести только к опыту потребления, и они варьировались в зависимости от индивида.

И все же те, кому удалось приспособиться к новым реалиям, вполне возможно опирались на навыки и ценности, сложившиеся в эпоху «зрелого социализма». <...>

Потребительские практики и отношения 1970-х годов могут помочь осветить социальные изменения в постсоциалистический период, но они также многое говорят нам о брежневской эпохе и ее месте в более широкой советской истории. Мы получаем более тонкую картину позднесоветского общества накануне перестройки: однородность компенсируется социальной раздробленностью, о чем свидетельствуют материальные различия по профессиональным, географическим и поколенческим признакам. Мы получаем ощущение перемен: общество, которое становится не только более потребительским, но и менее консервативным во многих отношениях, например, в своем отношении к моде, поведению молодежи или развлечениям. Роль и мотивы властей в этих событиях, а также их попытки справиться с последствиями могут многое рассказать нам о природе «зрелого социалистического» режима и его отношениях с обществом. Несмотря на все нарастающие противоречия позднесоветской потребительской культуры, брежневское руководство продержалось у власти почти 20 лет (больше, если учесть времена правления Андропова и Черненко). Ключом к преодолению этих противоречий, по крайней мере, в краткосрочной перспективе были компромисс и приспособление в публичной сфере. Значительному пересмотру подверглась официальная линия в отношении моды, дома и технологической революции в быту. Часто такая переоценка зарождалась не в кабинетах государственных идеологов, а возникала более спонтанно в прессе и других общественных форумах, а затем принималась или усваивалась властями. В этом смысле не только население должно было адаптироваться к государственному социализму, правительство также вело много скрытых переговоров со своими гражданами.

Эти идеологические корректировки не позволяют рассматривать брежневский режим как просто топтание на месте. Это был еще один этап социалистического проекта модернизации, даже если в переходе от коллективизма к индивидуализму было что-то тихо несоциалистическое. Должна ли эта брежневская версия потребительской современности с атрибутами, общими с современными западными обществами, такими как индивидуализация, приватизация и коммерциализация повседневной жизни, рассматриваться как отклонение от предыдущих попыток социалистической модернизации? Только, пожалуй, в смысле ее эффектов в дальнейшем. <...> Индивидуализирующие послед-

ствия модернизации были вечным бельмом в глазу советских лидеров, и в социально-экономических условиях 1970-х годов, возможно, было бы разумным вариантом спокойно смириться с этим. Проблема заключалась не в появлении этой ограниченной версии потребительской современности, а в том, что она была ограниченной. Это было общей закономерностью для всего социалистического блока. С конца 1960-х годов акцент пропаганды в восточноевропейских государствах также постепенно сместился с политических идей на обещания благосостояния. В Восточной Германии, например, это выразилось в принятии в начале 1970-х годов принципа «единства социальной и экономической политики», который, как надеялось правительство, позволил бы ему пожирать политические плоды за счет улучшения условий потребления. Но цель создания удовлетворительной потребительской среды так и не была достигнута*. Несмотря на попытки некоторых режимов сместить акцент с потребительских товаров на более широкие понятия социалистического качества жизни, такие как свободное время, гарантированная занятость и государственное жилье, материальное разочарование населения нарастало, особенно когда наблюдалось ухудшение положения**. В 1970-х и 1980-х годах большинство случаев открытого протеста в советском блоке происходило не из-за политических или религиозных свобод, а из-за проблем с поставками продовольствия и товаров народного потребления***. В Советском Союзе эта неспособность удовлетворить народные чаяния стала очевидной к началу 1980-х годов, еще до прихода к власти Горбачева.

Уникальное сочетание прогресса и разочарования, характерное для долгих 1970-х годов, нашло свое отражение в народной реакции на смерть Брежнева. Многие респонденты исследования советского детства, проведенного Катриной Келли, назвали это событие самым запоминающимся моментом своего детства. В 1982 году индивидуальная реакция на известие о кончине Генерального секретаря варьировалась от слез, пролитых представителями старшего поколения, до облегчения, испытанного мо-

* J. Stitzel, *Fashioning Socialism: Clothing, Politics and Consumer Culture in East Germany*, Oxford: Berg, 2005, pp. 6–8 and 159–69.

** Например, в Чехословакии после 1968 года режим делал акцент на социалистическом образе жизни, а не на уровне жизни, как основе превосходства над Западом. См.: P. Bren, *The Greengrocer and his TV: The Culture of Communism after the 1968 Prague Spring*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

*** См., например: R. Okey, *The Demise of Communist East Europe: 1989 in Context*, London: Arnold, 2004, pp. 19–21, 30, 34–38.

лодыми людьми*. Такое различие между поколениями, каким бы анекдотичным оно ни было, имеет большой смысл. Процветание и стабильность долгих 1970-х воспринимались пожилыми гражданами «зрелого социализма» как беспрецедентное, но для их детей и внуков в начале 1980-х пришло время двигаться дальше. Иными словами, брежневские годы перевели советский проект из серии насильственных и бурных стадий в следующую фазу нестабильности и, в конечном счете, разрушения, но при этом подготовили новое поколение россиян к тому, что грядет дальше.

* Oxford Archive of Russian Life History, 'Childhood in Russia: A Social and Cultural History, 1890–1991', project leader: Professor C. Kelly.